

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

НОВЫЙ МИР

**ПРОТИВ РОССИИ,
НА РУИНАХ РОССИИ
И ЗА СЧЕТ РОССИИ**

Москва

издательство
РОДИНА

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Coe)-44
Б58

Бжезинский, Збигнев.

Б58 Новый мир. Против России, на руинах России и за счет России / Збигнев Бжезинский ; [перевод с английского И.О. Иванова]. — Москва : Родина, 2026. — 224 с.

ISBN 978-5-00269-416-7

«Новый Мировой Порядок будет строиться против России, на руинах России и за счет России», — говорил Збигнев Бжезинский (1928–2017), американский политолог и государственный деятель, который долгое время являлся одним из ведущих идеологов внешней политики США.

Это высказывание стало девизом всей деятельности Бжезинского: вначале он создал план разрушения СССР, затем на руинах Советского Союза разрабатывал стратегию подчинения России интересам Запада, а в последние годы своей жизни заявлял, что у России «есть единственная перспектива — смириться с этой реальностью и стать частью Европы. Если она [Россия] этого не сделает, то станет разоренным сателлитом Китая».

В данной книге представлены работы З. Бжезинского трех периодов: борьбы против СССР в 1970-е — 1980-е годы, «новой стратегии» в отношении России в 1990-е годы и последние его работы, касающиеся отношений России и Запада в связи с конфликтом на Украине.

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Coe)-44

ISBN 978-5-00269-416-7

© И.О. Иванов, перевод на русский язык, 2026
© ООО «Родина», 2026

Содержание

США против СССР	7
Столкновение империй.....	7
Борьба за Евразию.....	21
Стратегические цели США.....	31
Советский Союз должен распасться.....	42
Ассимиляция России	54
Россия — «черная дыра»	54
Ассимиляция России.....	102
Выбор Путина	108
Сближение России с Западом неизбежно.....	135
Геополитическое столкновение:	
Россия и Украина	138
Украина на пути в Евросоюз.....	138
Украина как старший брат России.....	139
Украинский урок для России	141
Что нужно знать об Украине.....	144
Три альтернативы России по Украине.....	147
Пример Украины для России	150
О «Великой русской цивилизации».....	152
Игра в русскую рулетку.....	165
Интервью З. Бжезинского	168
У России нет потенциала для империи.....	168
Россия зигзагами движется к Европе.....	169
Россияне выходят из спячки эпохи застоя	172

Евразийский Союз — это антиисторично	174
Россия — часть европейской цивилизации	181
Европа и Россия.....	185
Необходимо создать «широкий Запад» с Россией	189
Попытка России стать империей обречена на провал.....	195
Приведут ли события на Украине к Третьей мировой войне?.....	202
Цена за возрождение СССР	216
Китай не может остаться в стороне	219

США против СССР

(из книги «План игры.

Геостратегическая борьба между США и СССР»)

Столкновение империй

Американо-советское соперничество — это борьба двух империй. Обе стороны приобрели имперские качества еще до их столкновения после второй мировой войны. Однако столкновение усилило стратегическое значение присущих им имперских преимуществ и ускорило их развитие в этом направлении. Некоторые могут сказать, что подобная точка зрения равносильна утверждению, что между Советским Союзом и Соединенными Штатами существует своего рода «моральное равенство».

Я не ставлю вопрос подобным образом. Я использую термин «империя» — как нейтральный в моральном плане — для характеристики иерархической системы политических взаимоотношений, управляемой из одного центра. Мораль такой империи определяется тем, как и в каких целях используется имперская власть и какова степень согласия тех, на кого она распространяется. Именно в этом наиболее отчетливо проявляются различия между американской и советской имперскими системами.

Московская империя имеет три наслоения. Во-первых, существует великая российская империя. Под властью 135 млн. великороссов находится примерно 140 млн. подданных, принадлежащих к множеству

нерусских народностей, включая примерно 50 млн. мусульман Средней Азии и 50 млн. украинцев. Во-вторых, есть советская империя. Москва осуществляет контроль над странами-сателлитами, в которых проживает около 120 млн. восточноевропейцев, 15 млн. афганцев и 2 млн. монголов. В-третьих, следует назвать московскую коммунистическую империю, в которую входит ее имперская клиентура: Куба, Никарагуа, Вьетнам, Ангола, Эфиопия, Южный Йемен и Северная Корея. Эти страны поставлены в зависимость от Москвы в сфере политического руководства, военной поддержки и экономической помощи. Их население насчитывает примерно 130 млн. человек. Таким образом, 135 млн. великороссов осуществляют политический контроль над имперской системой, в которую, включая их самих, в совокупности входит около 545 млн. человек, проживающих на Евразийском континенте и на заморских территориях.

В основном, однако, в эту империю включены страны, границы которых соприкасаются, и она является плодом длительной и жестокой исторической экспансии. Действительно, отличительной чертой русской имперской системы является связь между милитаристской организацией русского общества и стремлением к территориальным приращениям, диктуемым инстинктом выживания. Это неоднократно отмечали российские историки и историки других стран. С незапамятных времен русское общество находило политическое выражение через посредство государства, которое было отобилизовано и строго регламентировано на военной основе и безопасность которого служила главным организационным стимулом. Отсутствие поддающихся четкому определению государственных границ делало территориальную экспансию очевид-

ным путем обеспечения безопасности, а такая экспансия порождала новые конфликты, новые угрозы, а следовательно, и новые экспансионистские устремления. Был приведен в движение неумолимый исторический цикл: отсутствие надежной безопасности порождало экспансионизм; экспансионизм создавал отсутствие надежной безопасности, что в свою очередь подогревало политику дальнейшей экспансии.

Русская история является вследствие этого историей непрерывной территориальной экспансии. Экспансия из северо-восточных равнинных районов и лесов Московии продолжалась — почти постоянно — более 300 лет. Ее составной частью было продвижение на запад в борьбе против главных соперничающих держав, в результате чего Швеция была в конце концов вытеснена с восточной части Балтийского побережья, а Польско-Литовская республика подверглась разделам. Экспансия проявлялась и в настойчивом продвижении на юг, кульминацией которого после ряда поражений, нанесенных Османской империей, явилось подчинение украинских казаков и крымских татар, а также поглощение нескольких народов Кавказа и мусульманской Средней Азии. Одновременно на восток вдоль границы Китайской империи и до Камчатки шел непрерывный поток поселенцев, ссыльных и военных экспедиций. По размерам и продолжительности такая территориальная экспансия, несомненно, является одним из примеров самых амбициозных и неустанных имперских устремлений, когда-либо известных истории. На протяжении почти двух веков

Москва ежегодно присоединяла к себе территорию, равную Голландии или штату Вермонт!

Таким путем русским удалось поставить под контроль самую большую часть мировой недвижимости. Они осуществляют его, довольно густо населяя внутренние районы — обширную территорию, известную под названием «Европейская Россия», — и обосновываясь в меньшем, но политически значимом количестве в стратегически важных колониальных аванпостах Балтийского региона (включая Калининград), в отдельных частях Белоруссии, Восточной Украине, на северо-восточном побережье Черного моря, в крупных районах Казахстана и вдоль длинного пояса безопасности, идущего по Транссибирской магистрали вплоть до советского Дальнего Востока. Благодаря этому огромная незаселенная Сибирь эффективно изолирована от внешнего мира и доступна для постепенной колонизации.

Во время и после второй мировой войны господство Москвы распространилось почти на всю Восточную Европу. Это также произошло в основном благодаря военному захвату, подкрепленному идеологической трансформацией подчиненных стран. По поручению Москвы власть стали осуществлять зависимые от нее местные коммунистические функционеры, постепенно становясь все более заинтересованными в сохранении своих позиций и привилегий. Это сообщество было скреплено Варшавским пактом и усилено созданием экономической организации — Совета Экономической Взаимопомощи, который к началу 80-х гг. стал все больше использоваться Москвой для более тесной экономической интеграции Восточной Европы с Советским Союзом.

Таким образом, русская имперская система — с ее увековечением власти элиты, стратегическими посе-

лениями и национальным подчинением — возникла совсем не так, как другие империи последнего времени. Морская экспансия в отдаленные территории, где появлялись бы небольшие поселения, в данном случае не применялась. Все шло по более естественному для России пути. Это был процесс непрерывного проникновения на соседнюю территорию, подсказанный старинным инстинктом выживания, который диктовал необходимость приобретения дополнительных земель. «Отсутствие надежной безопасности» переводилось на язык непрерывной экспансии. В результате Россия на протяжении истории была не столько жертвой частой агрессии, сколько постоянным агрессором, наступая из центра в том или ином направлении, когда появлялась благоприятная возможность.

Любой перечень актов агрессии, совершенных против России за последние два века, выглядит незначительным по сравнению с аналогичным перечнем экспансионистских действий, предпринятых Россией против своих соседей. Хищнический характер великороссского империализма не подлежит сомнению. Пресловутое чувство постоянной опасности действительно присуще русским, но не потому, что Россия слишком часто была жертвой агрессии, а потому, что органически присущая ей экспансия подталкивала и приводила к территориальным приобретениям, что, естественно, вызывало сопротивление.

Два автора весьма убедительно прокомментировали эту проблему. Ричард Пайпс пишет в своей книге «Выжить — недостаточно» (1984): «Разумеется, здра-

вый смысл мог бы подсказать даже тем, кто не понимает этого, что страна, являющаяся постоянным объектом агрессии, не может стать самой большой в мире по своей территории, равно как не может разбогатеть человек, которого раз за разом грабят... В 90-е гг. прошлого века русский генеральный штаб провел подробное исследование истории участия России в войнах со времени основания государства. В том, содержащем резюме данного исследования, издатель сообщал читателям, что они могут гордиться военными достижениями своей страны и с уверенностью смотреть в будущее: в период между 1700 и 1870 гг. Россия воевала 106 лет, приняв участие в 38 военных кампаниях, 36 из которых были „наступательными” и только 2 „оборонительными”».

В книге Аарона Вильдавского «По ту сторону сдерживания» (1983) приводится следующее заявление Макса Зингера: «К Советскому Союзу лучше всего подошло бы определение *ненасытно* обороняющегося. Есть люди, которые не без основания утверждают, что Советский Союз является приверженцем наступательной политики — хотя, вероятно, весьма осторожной и терпеливой — вследствие своей идеологии или стремления к расширению подвластной ему империи. Однако, поскольку советская политика и ее опасность для нас остаются в основном неизменными независимо от того, руководствуется СССР оборонительными или наступательными соображениями, я не вижу оснований настаивать на том, что эти соображения являются наступательными. Возможно, так оно и есть, но нам не легче, если это и не так. Неудовлетворенность являющихся плодом собственного воображения оборонительных требований не приносит облегчения, если считать Советский Союз обороняющейся держа-

вой. Такая неудовлетворенность проистекает из того, что он не может надежно гарантировать достижение своей главной цели — сохранения империи, — пока мы сильны. Поэтому он не может испытывать чувства удовлетворения, пока мы способны противостоять его требованиям».

К тому же неизбежным следствием неослабной территориальной экспансии явилось возникновение имперского сознания у великоросского народа. Понятию «имперское сознание», возможно, трудно дать определение, но трудность выражения идеи не снимает ее с повестки дня. Есть что-то поразительно имперское в том, как русские настойчиво изображают себя в качестве «старшего брата» подчиненных ими народов. Имперская позиция проявляется также в спонтанном решении строить гигантские соборы русской православной церкви в самом центре столиц оказавшихся под их господством стран, как это случилось в XIX веке в Хельсинки и Варшаве. — Не является простым совпадением и то, что вместо Варшавского собора, взорванного в 1919 г. вновь обретшими независимость поляками, Москва 30 лет спустя возвела увековечивающий Сталина «Дворец культуры». Среди великороссов глубоко укоренилось чувство, что Москва должна сохранять нерусские народы Советского Союза и Восточной Европы в качестве особого владения матушки-России.

Великоросское имперское сознание представляет собой сложное сплетение религиозного мессианства, которое в течение долгого времени ассоциировало Москву с Третьим Римом, националистических инстинктов выживания и сохранения власти и возникшего гораздо позже идеологического порыва универсалистского типа. Чувство постоянной опасности,

рожденное территориальной экспансией, также является частью этого сознания, а его параноидное отношение к внешнему миру было обострено коммунистической одержимостью видеть повсюду внутренних и внешних врагов. В противоположность американским взглядам, согласно которым многообразие считается нормальным явлением, идеологический компонент советского мировоззрения основан на том, что человечество в целом управляется некими «железными законами истории», которые удалось правильно расшифровать лишь советским руководителям. Таким образом, доктринерская уверенность в собственной правоте заставляет советских руководителей считать все те страны, которые не разделяют их мировоззрения, и особенно Америку, в своей основе враждебными себе. Короче говоря, с точки зрения Америки, различия — явление нормальное; по мнению же России — это симптомы конфликта.

В современную эпоху это сложное сплетение побудительных мотивов помогает создавать и поддерживать внешнеполитическое кредо, в соответствии с которым стремление к мировому господству, десятилетиями измеряемое соперничеством с Соединенными Штатами, превратилось в главную движущую силу. Продолжение присущей России территориальной экспансии и советская коммунистическая идеология, являющаяся исторической преемницей концепции Третьего Рима, должны были неизбежно привести к столкновению с державой, которая тем временем проникла за океан, чтобы сдержать Москву на запад-

ной и восточной оконечностях евразийского материка. И эта трансокеанская держава во многих отношениях также была имперской по своему характеру.

Вначале американская экспансия очень сильно походила на российскую. Это прежде всего относилось к завоеванию Соединенными Штатами в XIX веке территорий, ранее принадлежавших Мексике. С другой стороны, американская экспансия, особенно в период доктрины «предопределения судьбы» на рубеже этого века, отражала океанский характер американской мощи. Благодаря морскому могуществу США распространили политическое господство на Кубу и страны Карибского бассейна, на Центральную Америку и за пределы Гавайских островов почти до азиатского побережья в результате приобретения военным путем Филиппинских островов. Такой откровенный империализм идеологически оправдывался демократическим универсализмом; в то же время выгодно использовалась свойственная Америке привлекательность как свободной и сравнительно богатой страны.

Американская имперская система получила свое полное развитие лишь после второй мировой войны. Ее возникновение носило во многом случайный характер. Выйдя из второй мировой войны без потерь, Соединенные Штаты были ведущей державой мира, валовой национальный продукт которой составлял более половины продукции, производимой мировой экономикой. Это положение фактически и превратило Соединенные Штаты в империю. По причинам как международного, так и внутреннего характера США больше не могли безразлично относиться к событиям, происходящим, в сущности, в любых регионах мира. Политические и военные связи, которые, можно сказать, узаконили имперский статус США,

образовались в результате возникновения «холодной войны». От первоначального намерения уйти из Западной Европы пришлось отказаться в результате растущей угрозы со стороны Советского Союза. Сузившийся периметр американской безопасности на Дальнем Востоке пришлось пересмотреть после вспышки войны в Корее. От выработанной позднее стратегии защиты американских интересов на юге Азии с помощью стран этого региона США отказались в результате внутреннего крушения Ирана и советского вторжения в Афганистан.

Как и Советский Союз, Соединенные Штаты столкнулись с геополитическими императивами. Тот, кто контролирует Евразию, занимает господствующее положение на земном шаре. Если Советский Союз захватит периферийные регионы этого континента — Западную Европу, Дальний Восток и с Южную Азию, — то он не только установит контроль над огромными человеческими, экономическими и военными ресурсами, но и достигнет геостратегических подступов к Западному полушарию — Атлантического и Тихого океанов. Геостратегические границы обозначены так совсем не по воле случая. Кремлевские руководители вынуждены расценивать американское присутствие в Евразии как главное препятствие на пути к достижению своих геополитических устремлений. Точно так же Соединенные Штаты должны рассматривать свои трансокеанские позиции как передний край обороны, что избавляет их от необходимости организовывать оборону Северной Америки.

Хотя Соединенные Штаты взяли на себя имперскую роль с некоторой неохотой и не считая себя имперской державой, их внешнеполитические дебаты сосредоточены сегодня вокруг того, как лучше защи-

тить имперские владения и управлять ими. И с обеих сторон политического спектра берутся на вооружение именно имперские аргументы. Это наиболее отчетливо проявилось в дебатах о политике США в странах «третьего мира», особенно по отношению к таким государствам, как Иран при правлении шаха или Филиппины при Фердинанде Маркосе. Сценарий такого рода повторяется часто: американская экономическая и военная помощь направляется в стратегически важные прозападные страны «третьего мира».

В какой-то из них существует авторитарное правительство, которое подвергается нападению со стороны враждебных Соединенным Штатам внутренних сил. По утверждению правых, национальные интересы требуют, чтобы Соединенные Штаты удержали у власти дружественный режим. Левые доказывают, что Соединенные Штаты должны использовать рычаги существующих программ помощи, чтобы вынудить правительство провести реформы или даже уйти в отставку. В первом случае мощь и влияние США должны использоваться для укрепления американских позиций, а во втором — для того, чтобы вызвать внутренние изменения в суверенном государстве. Однако обе стороны сходятся в том, что Соединенные Штаты имеют право использовать свою силу для воздействия на внутренние дела другой страны.

В отличие от советской американская империя не имеет общих границ, является относительно разобщенной и удерживается путем косвенных связей. Хотя имперская система, где господствуют США, оформлена договорными обязательствами — которые фактически определяют статус Западной Европы, Японии и Южной Кореи как американских протекторатов, — она в гораздо большей степени представляет собой

переплетение общих интересов, а также неофициальных этнических и деловых связей. Присущая Америке склонность к демократическому принятию решений на основе общего согласия ослабляет ее политическое, экономическое и военное господство. Наиболее важными союзниками, находящимися под защитой США, являются Западная Европа, Канада, Япония и Южная Корея. Но у Америки существует и зависимая клиентура на Ближнем Востоке (Израиль и Египет), в Юго-Западной Азии (Пакистан) и в Юго-Восточной Азии (Таиланд и Филиппины).

Имперская система в целом охватывает более 780 млн. человек по сравнению с населением советской империи, составляющим 545 млн. человек, но в ней отсутствуют идеологическое единство, политическая централизация и территориальная целостность, характерная для советского соперника. Поэтому границы американской империи не так легко точно обозначить.

Первоначально обе имперские системы были содружествами двух стран. Англо-американское содружество, олицетворяемое Рузвельтом и Черчиллем, отдавало предпочтительный статус внутри Западного союза Великобритании: эти особые отношения позволяли английским руководителям оказывать беспрецедентное влияние на Вашингтон, что весьма наглядно проявилось в сдерживающей роли, которую играли Лондон по отношению к Вашингтону во время корейской войны. Коммунистический Китай также в течение некоторого времени был младшим партне-

ром в гигантском китайско-советском блоке. Он зависел от советской помощи, но отнюдь не подчинялся Советскому Союзу. Мао Цзэдун был довольно сдержан в своем почтительном отношении к Сталину. Однако в отличие от Великобритании, мощь которой шла на убыль и особое положение которой постепенно сводилось на нет, Китай был на подъеме, что в конечном итоге привело к решительному разрыву с Кремлем. Таким образом, неоспоримое руководство внутри империи, ставшей теперь чисто советской, обошлось Москве дорогой геополитической ценой.

Америка обязана гибкостью своей имперской системы внешнему и внутреннему влиянию. Во внешнеполитической сфере защитная реакция стала тем фактором, который придал определенное направление первоначальным американским связям в вопросах безопасности с Западной Европой и Дальним Востоком, а также последовавшим вскоре широким планам экономического восстановления опустошенных войной протекторатов. Внутренним фактором оказался пестрый этнический состав самого американского общества.

В противоположность Советскому Союзу, где многочисленные народности подчинены господствующей нации, что в конце концов может вызвать опасный внутренний взрыв, присущая Америке этническая пестрота привела к культурному «взрыву» обратного характера, оказывающему влияние на страны, из которых произошли многие американцы. Это влияние выходит за пределы очевидных связей с Англией. Глубоко укоренившаяся популярность Америки во многих странах, таких, как Италия, Ирландия и Польша, непосредственно объясняется тем влиянием, которое оказывают на жителей этих стран миллионы их родственников, ставших американцами. Это усиливает позитивное и при-

тягательное воздействие американского образа жизни и порождает политические симпатии, которые еще более укрепляют официальные связи.

Это также позволяет Соединенным Штатам более целенаправленно развивать подобное преимущество, используя на дипломатических и деловых постах американцев, имеющих родственников за границей. По мере роста числа американцев азиатского происхождения аналогичный процесс начинает развиваться в отношениях с Кореей, Японией, Китаем, Индией и Юго-Восточной Азией.

Наконец, политические связи американской имперской системы укрепляются динамичным и исключительно творческим характером социально-экономических изменений, происходящих в Америке. Они являются образцом политического и экономического развития и способствуют добровольному притоку в Америку сотен тысяч иностранных студентов. Все это создает сеть взаимоотношений, по крайней мере не менее важных, чем первоначальное распространение за границей американской военной мощи.

В результате этих факторов — но особенно трансокеанского характера американской мощи — зависимые от США страны искренне считают себя их подлинными союзниками и по сути являются таковыми. В данном случае не следует игнорировать наличие политических разногласий и экономических конфликтов с Соединенными Штатами, но эти разногласия происходят в рамках преобладания общих интересов, когда географическая удаленность создает политическую притягательность. (Сосед моего соседа — мой друг, но не мой сосед!)

Целостный территориальный характер советской империи, наоборот, означает, что соседние страны

рассматривают Москву как в своей основе враждебную и господствующую силу. Поэтому даже ее официальные союзники нередко выражают недовольство и во многих отношениях являются потенциально ненадежными. Коммунистический Китай и Югославия, находящиеся в географической близости от Советского Союза, порвали с Кремлем. Раскол с Югославией создал опасный прецедент для Восточной Европы, а разрыв с Китаем нанес Советскому Союзу, стремящемуся к господству на континенте, особенно большой ущерб. Не удивительно, что к числу самых искренних друзей Москвы принадлежат такие географически удаленные от нее страны, как Куба и Вьетнам.

Имперский конфликт между Вашингтоном и Москвой ясно демонстрирует глубокие различия в их подходе к решению широкого круга международных проблем. Он также позволяет понять, что предвещал бы миру исторический успех той или другой стороны.

Борьба за Евразию

Хотя американо-советское соперничество имеет глобальные по своим масштабам размеры, его главным объектом является Евразия. Этот материк — геостратегический фокус соперничества и геополитический приз за победу. Борьба за Евразию носит многосторонний характер и ведется на трех главных стратегических фронтах — крайнем западном, дальневосточном и юго-западном.

Для Соединенных Штатов предотвращение советского господства над Евразией является необходимым условием достижения приемлемого исхода противоборства. Для Советского Союза выдворение Америки

из Евразии с помощью политических и военных акций на всех трех главных фронтах остается необходимым условием достижения решающего успеха в историческом конфликте.

Борьба на этих трех фронтах влечет за собой преимущественно политическое соперничество, подкрепленное военной мощью. Однако на каждом из фронтов в разное время происходит непосредственное испытание воли в условиях применения силы или угрозы ее применения. Таким образом, в борьбе за главный континент земного шара переплетаются политическая воля и военная мощь.

Недопущение в Евразию любой влиятельной внешней силы и подчинение себе всех остальных континентальных держав является для России не только геополитической целью, но и выражением исторических амбиций. Географическая ситуация России парадоксальна. Великая российская империя явно доминирует в военном плане над огромным континентом, в котором проживает большая часть населения мира, который имеет наибольшую территорию и богатство и занимает центральное стратегическое положение по отношению к другим континентам. Вместе с тем, Россия является объектом особого рода изоляции и даже окружения.

Несмотря на огромные континентальными размеры страны — она намного превосходит по величине любое другое государство земного шара, — Россия фактически замыкается материком. Она не имеет по-настоящему открытого выхода в мир. На одном конце материка Западная Европа эффективно блокирует выход России в Средиземное море и Атлантический океан. Выход России в Атлантику и за ее пределы сдерживается такими стратегическими препятствиями,